

Текст песни «Ей в этом году шестнадцать» Джеймс и Ланс в конце концов дожали вдвоем.

Если точнее, Ланс набросал черновик и показал его Джеймсу. Тот без обиняков заявил, что некоторые строчки никуда не годятся. После короткой, но бурной перепалки они пошли на компромисс и просто разделили работу поровну.

Следом пошла работа над мелодией, и тут проблем оказалось по горло.

Ланс вывел партию гитары на передний план, сделав ее вторым голосом после вокала, но при этом требовал от песни зубодробительного драйва. А значит, ритм-секции надлежало звучать мощно и плотно.

Здесь все зависело от слаженности Болдуина и Тео — именно на них, как на басисте и барабанщике, держался весь фундамент трека.

От ударных не требовалось виртуозных пассажей, но Болдуин должен был играть с точностью швейцарского хронометра — ни единой заминки, удар в удар. С этим проблем не предвиделось, у Болдуина была железная хватка. А вот с басом дело обстояло сложнее. От Тео требовалось выдать плотный, качающий грув с долей здорового драматизма. Но у Тео, как назло, вечно чередовались взлеты и падения. В удачные дни его импровизации приводили всех в восторг, но стоило ему поймать хандру, как бас опускался до невнятного бубнежа, который проще было вообще заглушить.

Впрочем, сама песня парню безумно нравилась. Он клятвенно пообещал отрепетировать свою партию до дыр и не облажаться на сцене.

На этом трудности не закончились. Лансу упрямо хотелось вернуть в аранжировку еще какой-нибудь штрих, который придаст бы песне легкий, летящий оттенок.

И этот пресловутый штрих превратился в настоящую головную боль. Ланс перепробовал, кажется, все: вторую гитару, губную гармошку, тамбурин, скрипку, пытался втиснуть даже клавишные, флейту и саксофон. Все мимо. Ни один инструмент не вписывался в общую канву и не давал нужного созвучия.

Тем временем турне из двадцати семи концертов близилось к финалу — им оставалось отыграть всего два выступления. Медлить было нельзя: если не дописать песню сейчас, обкатать ее перед публикой в этом турне уже не удастся.

Джеймс к этому относился философски — не успеют сейчас, представят в следующий раз, делов-то.

Но Ланс из-за этой заминки окончательно скис. Временами он вел себя как капризный ребенок: раздобыв классную игрушку, он горел желанием тут же выбежать во двор и

похвастаться перед ребятами. И если показать обновку прямо сейчас не получалось, Ланс замыкался в себе и начинал откровенно исходить на говно.

Будь на его месте кто-то другой, группа просто не обратила бы внимания. Но когда хандрил Ланс, жизнь превращалась в ад для всех.

Нет, он не устраивал истерик и ни на кого не орал. Он просто становился невыносимо, патологически придирчивым. Стоило кому-то на репетиции допустить малейшую пометку — барабанщик смазал долю, басист поторопился со вступлением или Джеймс перепутал строчку в куплете...

Всё, тушите свет. Наш темноволосый синеглазый гений тут же награждал виновника таким леденящим, ядовитым взглядом, что тот чувствовал себя распоследней тварью. В этих глазах читалось такое омерзение, словно перед Лансом только что уселась жирная зеленая муха и принялась неторопливо гадить прямо на его глазах.

Атмосфера в репетиционном зале накалялась до предела, дышать становилось тяжело.

Первым не выдержал впечатлительный Тео. Он бочком подобрался к Джеймсу, дернул его за рукав и взмолился шепотом:

— Джимми, сделай что-нибудь, умоляю. Развесели ты этого сукиного сына, иначе мы тут все перевешаемся.

Джеймс аж поперхнулся от такой наглости:

— С какого хера я-то? Я ему что, мамочка заботливая или подружка постельная, чтобы его ублажать и развлекать?

Тео соорудил невинную мину:

— Ну так он твой гитарист. В рок-группах это святое правило: вокалист обязан холить и лелеять эго своего гитариста.

Что за чушь? Откуда он вообще выкопал этот бред?

И все же Джеймс вздохнул и поплелся к Лансу. Разумеется, не из-за идиотских рокерских басен, а чисто из чувства долга. Кто-то должен был положить конец этому молчаливому террору, пока Ланс окончательно не затерроризировал команду.

Вот только вернуть Лансу расположение духа оказалось задачей не из легких. Джеймс попытался зайти с козырей и выдал парочку анекдотов, но гитарист лишь смерил его взглядом как клинического идиота и процедил:

— Ты совсем с катушек съехал, Лемон?

«Да этот говнюк и гроша ломаного не стоит! Я ради него, калеча собственный мозг и преодолевая дислексию, листал этот дурацкий сборник шуток? На кой черт я вообще в это ввязался?»

Джеймс сплюнул, круто развернулся и зашагал прочь, твердо решив больше не лезть к этому высокомерному ублюдку. Разведя руками перед замершими в ожидании Болдуином и Тео, он досадливо и звонко свистнул — мол, я умываю руки, парни, тут клиника.

И тут он заметил, как у ребят разом округлились глаза.

Не успел Джеймс сообразить, в чем дело, как тяжелая рука сзади вцепилась ему в воротник куртки и дернула назад с такой силой, что он едва не повалился на пол.

В следующее мгновение разъяренный Ланс буквально впечатал его в угол. Прижатый лопатками к стене, Джеймс во все глаза смотрел на внезапно обезумевшего напарника и только испуганно заикался:

— Т-ты чего творишь?

На секунду ему показалось, что сейчас полетят кулаки.

Но Ланс лишь тяжело дышал, опалая его лицо жаром.

— Ты сейчас свистнул? — резко спросил он.

— Ну да, свистнул... Слышь, я могу объяснить, это не то чтобы в твой адрес...

— А ну свистни еще раз!

— Чего?

— Еще раз свистни, живо!

Под бешеным взглядом синих глаз Джеймс окончательно растерялся и послушно вытянул губы трубочкой, издав короткую трель.

— И еще раз, — скомандовал Ланс, жадно вслушиваясь в звук.

«Какого хрена вообще происходит?»

Дальнейшее не поддавалось никакому здравому смыслу. Представьте картину: несчастного белокурого фронтмена зажали в углу репетиционной базы, и он, по-идиотски вытянув губы,

битых полчаса без умолку высвистывал разные трели. Полчаса, черт побери! Да у него челюсть свело так, что выть хотелось.

Твою мать, проклятый свист!

Но этот гребанный эстет Ланс упивался моментом — он наконец-то нащупал ту самую недостающую деталь.

Самое паскудное, что Болдуин и Тео все это время стояли поодаль и с самым увлеченным видом обсуждали какие-то гармонии, упрямо игнорируя полные отчаяния и мольбы взгляды своего вокалиста. Золотые люди, лучшие в мире товарищи по группе! Настоящая мужская солидарность: когда твоему другу хреново, просто отвернись и сделай вид, что страшно занят.

Зато была и хорошая новость: песня «Ей в этом году шестнадцать» наконец-то обрела законченный вид. Сроки поджимали, но они успели секунда в секунду.

Впереди маячил финальный концерт турне, и парни единогласно решили поставить жирную точку, бахнув новый трек на десерт.

К этому моменту все вымотались до предела. Отыграть за месяц больше двадцати концертов подряд — то еще удовольствие. Бешеный темп, постоянные переезды, бесконечный цикл из репетиций, саундчеков и живых сетов высосали из них все соки. У каждого под глазами залегли глубокие тени, а лица осунулись от хронического недосыпа.

Впрочем, молодость прощала всё. В двадцать лет кажется, что твоя батарейка вечна, а в жилах вместо крови бурлит чистый адреналин.

Сложнее было удерживать кукушку на месте. Ни один нормальный человек не способен круглосуточно пребывать в экстазе. Но сцена сурова: ты обязан врубить бешеный драйв по щелчку пальцев, строго по расписанию.

Если музыканты будут выползать на сцену вялыми сосисками, то глупо требовать от толпы безумного слэма. Не заставлять же фанатов самим дорисовывать в воображении энергетику концерта?

Так что под конец турне ребята быстро сообразили, как подстегнуть уставшую нервную систему. Самым доступным допингом, разумеется, оказался алкоголь.

Сильно не налегали — за кулисами распивали одну бутылку крепкого на четверых. Легкий хмель приятно кружил голову, снимал зажимы и давал ровно столько куража, сколько нужно для хорошего шоу, не превращая музыкантов в мычащее стадо.

Но сегодня намечался финальный аккорд. Чувство скорой свободы вскружило парням головы

еще до выхода на сцену, тормоза отказали, и они, чего уж греха таить, изрядно перебрали.

<http://bllate.org/book/19389/1999613>